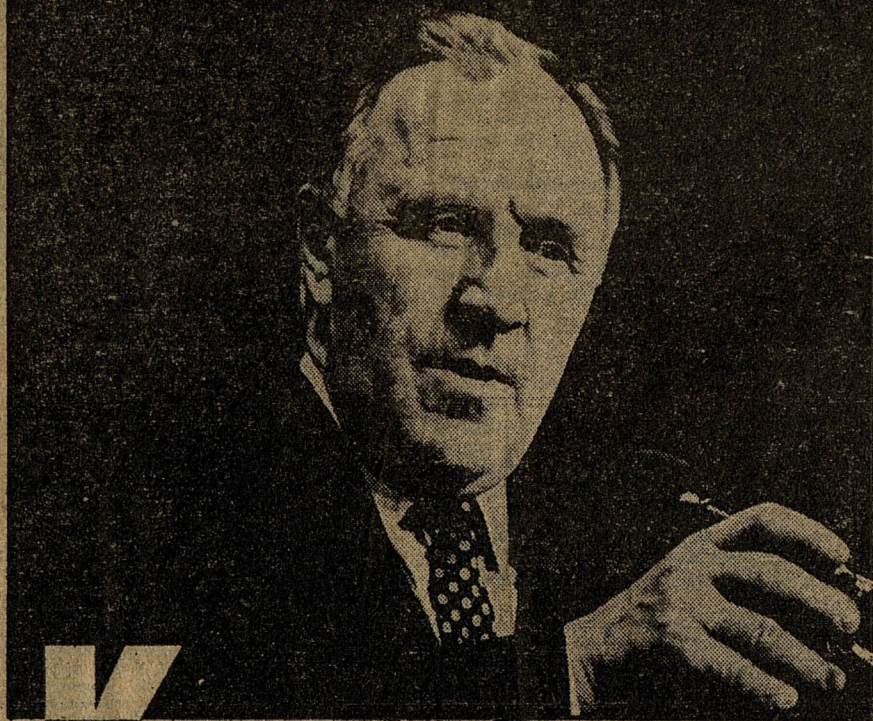

20 НОЯБРЯ 1987 г. № 47 (1295)

Литературная Россия
г. Москва

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ЮБИЛЕИ

ВСЁ — ПО ПРАВУ

КАЖЕТСЯ, он может сыграть все. И пространство сцены, кино- и телеэкран нам трудно представить себе без этой уникальной фигуры — актера Михаила Александровича Ульянова. Целая галерея таких непохожих героев: военный гений маршал Жуков — и трагифарсовый генерал Чарнота, мятущийся Дмитрий Карамазов — и лукавый персонаж комедии дель арте, шекспировский тиран Ричард III — и благородный добряк Тевье-молочник, трагический трудяга Егор Трубников — и откровенный мерзавец наших дней в фильме «Без свидетелей»... Всего не перечтешь! И в каждой роли — цельный, глубокий образ, открытие характера. Каждая роль — всегда ЕГО роль, ЕГО дело.

Как ЕГО дело — дальнейшая судьба родного вахтанговского театра.

Как ЕГО дело — возглавленный им Союз театральных деятелей России.

Как ЕГО дело — высокая гражданственная миссия советского искусства.

ЕГО дело — в движении, в трудах, и нынешний юбилей — не итог, а только веха на достойном этом пути Героя Социалистического Труда народного артиста СССР М. А. Ульянова.

Поздравляя неутомимого труженика искусства с 60-летием, «Литературная Россия» предоставляет слово драматургу Леониду Зорину.

Вот и Ульянову — шестьдесят. Быстро все это происходит! Есть все же что-то непостижимое в этой мгновенности нашей жизни — счастливы те, кто обнаруживает ее стремительность достаточно поздно.

Есть, однако, и другие натуры — с юных лет несут они на себе крест слишком раннего прозрения, и с той минуты, как истина им открывается, их бытие — жарено одной лишь думой и страстью — успеть. Успеть сделать все, что им положено в этот короткий срок на земле.

Сколько помню Ульянова, всегда его видел озабоченным, будто придавленным ношей, даже в свои большие праздники он не умел безоглядно радоваться: чем веселее было признание, тем он острее ощущал последствия, которые оно заключало.

Каждое одоление, каждый подъем, каждая взятая высота точно напоминали ему, сколько нужно еще одолеть и взять, как далека еще вершина.

Столько несыгранных ролей, столько непеределанных дел, неустраненных несообразностей.

Казалось бы, чем внушительней годы, тем жарче желание освободиться от всего, что мешает единственно важному, а он — напротив — точно придумывает все новые сложности и обязанности, все больше взваливает на себя и тащит, не страшась надорваться.

Наше время — своеобразное время. Вдруг, словно листья с осеннего дерева, облетают привычные репутации, бывшее значение званий и титулов, все фейерверочные лепестки пиротехники. Человеку предъявлен гамбургский счет, и он, пусть с некоторым опозданием, узнает свою настоящую цену. Это процесс для многих мучительный — сколько протестов, сколько обид, сколько искренних недоумений.

Михаил Ульянов — один из тех, кто вовсе ничего не утратил, он, более того,

приобрел, ибо время отчетливо подтвердило верность его гражданской позиции. Выяснилось, что все — по праву. По праву он — народный артист, по праву — ленинский лауреат, Герой Социалистического Труда и политический деятель. Он — человек на своем месте.

Но чем его выше возносит жизнь, тем мне дороже память о встречах, о наших замыслах и надеждах, о том, что сбылось и не сбылось.

Вспоминаю, каким он был Дионом в одноименном спектакле вахтанговцев — наивным, бескорыстным, упрямым, не создававшим своей отваги: говорить то, что думаешь, как дышать; помню Виктором в «Варшавской мелодии», так любившим свою Гелену и разлученным с нею законом, который сурово регламентировал, кого и где можно любить — как в нем отцветала, вымирала любовь и как отцветал, вымирал он сам!

Помню и Яковом в «Коронации» с его спокойной веселой злостью, отказавшимся «работать философом», «искать истину за полторы ставки», когда она «уже установлена»; помню и Багровым в «Транзите», растерянным перед поздним чувством, горьким, страстным и обреченным. Вижу его глаза в финале, навек пронзенные смертной тоской. — все это было вместе прожито, пережито и осталось со мной.

В этот день знаменательного рубежа, почтительно приветствуя Ульянова-деятеля, я дерзну поделиться своей потребностью чаще видеть его артистом. Я хочу сидеть в притемненном зале, сидеть и знать, что сейчас он возникнет — на подмостках ли, на экране — такой же знакомый и неожиданный, как знакома и неожиданна наша жизнь, частью которой он стал.

Леонид ЗОРИН